

УДК 82.09 (= 512.36)
DOI: 10.18101/2305-459X-2019-4-54-59

ОБРАЗ ЧИНГИСХАНА В ВОСПРИЯТИИ КИТАЙСКОГО И РОССИЙСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

© Цзин Жуге

докторант факультета русского языка и литературы,
Институт иностранных языков,
Нанькайский университет Китая
Китай, 300071, г. Тяньцзинь, ул. Вэй Цзинь, 94
E-mail: jingxiao777777@yandex.com

Чингисхан и империя, созданная его потомками, не только оказали глубокое влияние на политику и историю Евразии, но и открыли эпоху интеграции разных культур и национальностей в древней истории Евразии. Чингисхан служит символом важной части истории Евразии, всегда привлекает большое внимание круга историков и писателей. Легендарный жизненный путь Чингисхана был и остается предметом исследований учёных и писателей. Будь то в русской литературе, или в китайской литературе, обращение к личности Чингисхана и образу Чингисхана всегда было популярным и находило живой отклик в писательской среде. Данная статья пытается сопоставлять литературный образ Чингисхана в творчестве писателей Китая и России, чтобы выявить черты и внутреннее содержание образа Чингисхана, который был по-разному создан в разных национальных литературах.

Ключевые слова: образ Чингисхана, Китайская литература, историческая тематика, сопоставление литератур, национальная литература, Китай, Россия.

Для цитирования:

Цзин Жуге. Образ Чингисхана в восприятии китайского и российского художественного сознания // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2019. Вып. 4. С. 54–59.

«Прародитель династии Юань» в литературе Китая

Династия Юань как отражение древней развитой цивилизации оставила потомкам бесчисленные объекты культуры и литературные шедевры. Чингисхан как общепринятый прародитель династии Юань имеет важное место в китайской литературе. Согласно данным самой большой электронной библиотеки Китая «Ду Сю»¹, общее количество книг, связанных с именем Чингисхана, составляет более 7000, в том числе литературных произведений про Чингисхана насчитывается более 1200.

Начало творчества китайских писателей, обратившихся к личности Чингисхана, ведется от Цинской династии (с начала 17-го века до начала 20-го века). Во времена Цинской династии писатель Цай дун-пань с 1916 года в течение десяти лет написал серию книг под названием «Исторические романы о перемене династий Китая» [1], данное произведение охватывает период истории Китая с 221 года до н. э. до начала 20 века. Роман о Чингисхане-прародителе династии Юань в качестве главной составляющей книг, был написан автором на основе материа-

---

¹ Ду Сю(读秀). <http://www.duxiu.com>.

ла, переведенного из «Сокровенного сказания». Автор в повествовании от третьего лица восстановил легендарную историю Чингисхана в жанре классического эпического романа. В романе воссоздан образ Чингисхана как одного из самых великих императоров в древней истории Китая, его литературный образ по сущности не сильно отличается от других императоров, созданных автором в данной серии. Чингисхан переживал жестокое испытание войной, борьбой со своими братьями за власть, и, наконец, с помощью мудрых поданных завоевал себе императорский трон. Такой типичный путь к верховной власти оказался аналогичным жизни китайских императоров, у которых обычно не было законных престолонаследников с детства. Ограниченность фабулы и художественный стереотип Чингисхана, похожего на китайского древнего императора, сформировались благодаря литературной традиции классического многоглавного романа в Древнем Китае. Обычно конкретная историческая личность в жанре классического многоглавного романа следует единому стандарту поведения и образует определенный тип.

В 20 веке в творчестве современных китайских писателей сформировался уже иной художественный образ Чингисхана. Большинство китайских писателей предпочитает оценивать данную историческую личность с точки зрения его таланта как правителя и его достижений в области политики и ведения войн, поэтому типичным художественным образом Чингисхана является правитель государства, «грозный тиран», ведущий кровавые войны. Появление данного стереотипа в литературе имеет связь с военным походом монгольской конницы, которая отправилась на юг континента в XIII веке. Хотя поход войск Чингисхана был успешным, в результате которого были преодолены барьеры и географическая изоляция народов, в то же время монгольские войска принесли Китаю немало страданий и жертв, много простых людей потеряли свои семьи и оказались вынуждены покинуть постоянные места проживания и скитаться. Жестокость войны и драматичные исторические события нашли отражение в литературе и содействовали формированию образа деспотичного правителя. Расширение границ путем насилия не соответствует древней философии китайской конфуцианской традиции: умный монарх должен обратить особенное внимание на стабильность внутри страны и на благо народов, спасти население от тяжелого бремени налога и кровопролитных войн. Поэтому китайские писатели неизбежно называют Чингисхана-завоевателя «тираном».

1. В других произведениях образ Чингисхана носит более просвещенный характер и представлен как «умный монарх». Изменение художественного образа Чингисхана тесно связано со смягчением его политики в области управления государством. Согласно мнениям многих историков, Чингисхану удалось создать колоссальную империю на евразийском континенте, благодаря «наилучшему искусству верховой езды монголов» [Hansen, 2007, с. 318], но невозможно было бы осуществлять эффективное управление и господство над большой территорией, если бы не проводилась политика «открытости и равноправия в развитии всех религий, взаимное заимствование в развитии литературы» [Hansen, 2007, с. 6]. С переносом политического центра монгольской империи на юг, монгольские правители стали прислушиваться к советам поданных из Киданей и начали воспринимать философию конфуцианства [Лю Сюэ-яо, 1982, с. 76]. Уважение к конфуцианству и

управление государством с опорой на конфуцианскую традицию помогли монгольской власти завоевать симпатии и признание китайской знати, и в результате укрепились династия Юань в Китае. В конфуцианстве содержится принцип подчинения власти, который сам собой придал авторитет образу правителя, таким образом, постепенно образ Чингисхана превращался из жестокого завоевателя в великодушного правителя.

Согласно данным летописи, в последние годы жизни Чингисхан начал интересоваться даосизмом, согласно которому человеку можно продлить жизнь с помощью чудодейственных лекарств. Признание даосизма сделало Чингисхана более близким китайской культуре, что содействовало процессу смягчения образа Чингисхана в литературе. Историческая встреча между Чингисханом и известным исповедником даосизма Цзю-Чуцзи стала источником творческого вдохновения китайских писателей. Самым популярным литературным произведением, связанным с данным периодом в жизни правителя, является «Путешествие исповедующего даосизм Цзю Чуцзи на запад» [Цзян Хай-цзюнь, 2016].

С 90-х годов 20 века художественный образ Чингисхана становится более фантастическим, например в произведениях «Герои в рыцарских романах Цзинь Юн» [Ли Чжичан, 2001, 160 с.], «Даосские рассказы» [Чэньмо, 1999, 438 с.] и т. д. В вышеуказанных произведениях Чингисхан описывается как монарх или управитель государства, представлен образ, похожий на других древних императоров, которые характеризуются двойственной природой и синтезом насилия и просвещения.

«Богатырь степи» в литературе России:

Чингисхан в качестве творческой темы также имеет важное место в литературе России. Среди литературных произведений народов России, особенно в творчестве бурятских писателей Чингисхана прославляется как богатырь степи или национальный герой. С 50 годов 20 века и по сей день в бурятской литературе наблюдается тенденция возрождения образов национальных героев, в числе которых Чингисхан занимает важное место. Например, такие произведения, как «Жестокий век» И. К. Калашникова, «Первый нукер Чингисхана» и «Тэмуджин» А. Гатапова поставили Чингисхана в центр сюжета. Через воссоздание в художественном тексте сложной истории 13 века, авторам удалось отразить великое влияние Чингисхана на образование древней Монголии и на судьбу Евразии.

И. К. Калашников в романе «Жестокий век» на основе традиции реализма восстановил жизненный путь Чингисхана с самого рождения до смерти, показывая физическое и духовное превращение от Тэмуджина в Чингисхана. Превращение заглавия первой книги из «гонимых» в «гонителя» во второй книге также повлекло коренное изменение героя. И. К. Калашников скрупулезно следовал сведениям, почерпнутым из исторических летописей, в то же время добавил свое мнение о прошлой истории, создал пластичные и полные жизни образы современников Чингисхана, его врагов, друзей и родственников, что сделало образ Чингисхана более человечным и ярким.

Под пером И. К. Калашникова образ Чингисхана представляет собой синтез противоречий. Жестокое испытание в детстве зародило в душе будущего Чингисхана не только любовь к матери, но и ненависть к обидчикам. Познание голода и унижения стимулировало его к порядку, покою и способствовало формиро-

ванию стремлению к вершине власти. В романе «Жестокий век» Чингисхан описан как победитель, добившийся власти, но одновременно он также изображен и как проигравшая сторона в борьбе за нее. По мере того, как Чингисхан постепенно становится ближе и ближе к неограниченному господству, он утрачивает лучшие свои человеческие качества, теряет веру в людей и утверждает в мысли, что только жестокостью и страхом можно сохранить свое влияние. В конце второй книги бывший герой степей не может избежать судьбы простых людей — великий хан постепенно стареет и остается в одиночестве, и начинается новая борьба за власть среди его потомков. В конце книги автор написал: «Зима впереди длинная, много еще будет буранов, вьюг и метелей. Но какой бы длинной зима ни была, за ней следует весна» [Чжан Теминь, 1999, с. 912], хотя легендарная эпоха Чингисхана осталась в прошлом, но воспоминания о созданном порядке и покое не исчезнут. И. К. Калашников сумел искусно воссоздать величие и хаос средневековой истории Евразии, показал жестокость и бедствия войны. Историческая легенда о Чингисхане как столкновение льда с огнем создала нам безграничную иллюзию и привела к эмоциональному потрясению.

В отличие от трагического повествования романа «Жестокий век» И. К. Калашникова, «Тэмуджин» А. Гатапова имеет несколько другой колорит. А. Гатапов в романе «Тэмуджин» уделяет главное внимание детству Чингисхана, то есть раннему этапу формирования «великого хана». Под пером автора Тэмуджин предстает перед читателем неискушенным героем, который постепенно совершенствуется с развитием действия и фабулы. Если «Жестокий век» И. К. Калашникова более похож на эпопею о Чингисхане, в которой показан целый жизненный путь героя, и роман оставил читателям большое пространство для размышления, то «Тэмуджин» А. Гатапова более подобен историческому предсказанию, в котором герой является юношей. Когда мы читаем роман «Тэмуджин», то чувствуем, что легенда об этом юноше лишь начинается и имеет продолжение. Роман «Тэмуджин» оставляет нам большее пространство для выдумки и фантазии. Несовершенство образа Тэмуджина в произведении А. Гатапова представила возможность автору преподать новое объяснение древней истории. Помимо этого, лишь неясные черты будущего правителя представили возможность развития и изменения героя, что наоборот принесло читателям больше симпатии и сопереживания.

Образ Тэмуджина под пером А. Гатапова носит мифический характер: автор описал необычное рождение Тэмуджина, его уникальные качества по сравнению с братьями, предсказание шаманов и многое другое, что придает мистический колорит повествованию. Произведение «Тэмуджин» А. Гатапова содержит в себе черты мифа и басни, в котором уникальная судьба героя предопределила дальнейший его успех и величие. Автору романа «Тэмуджин» удалось создать представление об исторических обстоятельствах средневековой Монголии, наделить своего героя истинно жизненным характером. Вызывает уважение и возвращение к национальной истории, истокам в контексте глобализации. Если в романе «Жестокий век» И. К. Калашникова судьба Чингисхана сформировалась как результат истории, то в романе «Тэмуджин» А. Гатапова судьба Тэмуджина стала выбором высших сил. «Жестокий век» отражает ничтожность человека перед величием истории, в романе «Тэмуджин» одерживает верх представление о предначертанности и предопределении судьбы.

Обобщая процесс развития повествования в бурятском историческом романе, стоит отметить, что Чингисхан является не только известной исторической личностью, но и синтезом определенных национальных характеров, даже отражением определенной национальной идентичности. Легендарная основа сюжета и героическое повествование делают художественный образ Чингисхана более убедительным и мифическим. В бурятской литературе Чингисхан был создан более как герой в героической эпопее, оценка писателей образа Чингисхана носит субъективный характер.

В результате разных контекстов, судеб и направлений развития культуры и истории, в литературах Китая и России проявляются разные художественные образы Чингисхана. Китайские писатели предпочитают мерить достижение Чингисхана аршином правителя государства, часто дают политическую оценку его деятельности, что привело к формированию образа Чингисхана в литературе больше, как монарха. Художественный образ Чингисхана под пером бурятских писателей носит больше легендарный характер, что и придает Чингисхану героический облик. Разные художественные образы отражают разные содержания культуры, разные виды повествования об истории Чингисхана исходят из разных исторических точек зрения писателей.

Обобщая процесс литературного творчества писателей Китая и России, сравнивая художественное видение выдающейся исторической личности, обнаруживаем разные понятия о Чингисхане, эти разные художественные образы отражают собственное понимание древней истории в разных культурных контекстах. Сложные и неоднозначные исторические события сделали Чингисхана трудным для восприятия и оценки. Воспоминания и присутствие Чингисхана в истории, литературах России и Китая подтвердили то, что взаимодействие культур на континенте Евразии уходит в далекое прошлое и имеет сложный эволюционный процесс.

Литература

1. Цай Дунпань (蔡东藩). Исторические романы о перемене династий Китая. О Чингисхане — прародителе династии Юань (中国最有作为皇帝演义-元太祖成吉思汗) [М]. Пекин: Изд-во Синьхуа, 2015.08. 217 с.
2. Valerie Hansen. The open empire: a history of China to 1600 [М]. Нанкин: Изд-во народа Цзянсу, 2007. 386 с.
3. Лю Сюэ-яо (刘学铤). Ученые записи о Монголии (蒙古论丛) [М]. Тайбэй: Изд-во культуры золотой орхидеи, 1982. 330 с.
4. Цзян Хай-цзюнь (姜海军). Позиция к конфуцианству и религиозная культурная политика Монгольской орды (蒙古汗国宗教文化政策及其对儒学的态度)[J] // Вестник общественных наук Внутренней Монголии (内蒙古社会科学). Т. 37, № 2. 2016 (03).
5. Ли Чжичан (李志常). Путешествие исповедующего даосизма Цзю Чунци на запад (长春真人西游记) [М]. Шицзячжуан: Изд-во народа Хэбэй. 2001. 160 с.
6. Чэньмо (陈墨). Герои в рыцарских романах Цзинь Юн (金庸小说人论) [М]. Наньчан: Изд-во искусства Бай Хуачжоу. 1999. 438 с.
7. Чжан Теминь (张铁民). Даосские рассказы (道家故事) [М]. Тяньцзинь: Изд-во искусства Бай Хуа. 1999. 263 с.
8. Калашников И. К. Жестокий век. М.: АСТ, 2018. 928 с.
9. Терентьев В. И. Два Чингисхана: фольклорное и современное неисторическое

прочтение образа // История и культура народов юго-западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы междунар. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского гос. ун-та. 2013. С. 178–182.

10. Болдонова И. С., Санжиева Т. Е. Герменевтический историзм: художественный образ Чингисхана в современной бурятской литературе как фактор развития национального самосознания // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 6. С. 269–274.

11. Балданмаксарова Е. Е. Бурятская литература рубежа веков в контексте культурного пространства Востока и Запада // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 14. С. 150–153.

THE IMAGE OF GENGHIS KHAN IN THE PERCEPTION OF CHINESE AND RUSSIAN ARTISTIC CONSCIOUSNESS

© *Jing Ruge*

PhD student of the Faculty of Russian Language and Literature
Institute of Foreign Languages, Nankai University of China
94, st. Weijin, Tianjin, 300071, China,
E-mail: .jingxiao777777@yandex.com

Genghis Khan and the empire created by his descendants not only had a profound influence on the politics and history of Eurasia, but also opened the era of integration of different cultures and nationalities in the ancient history of Eurasia. Genghis Khan serves as a symbol of an important part of the history of Eurasia, always attracts much attention from the circle of historians and writers. The legendary way of life of Genghis Khan was and remains the subject of research of scientists and writers. Whether in Russian literature or in Chinese literature, an appeal to the personality of Genghis Khan and the image of Genghis Khan has always been popular and found a lively response in the writing world. This article attempts to compare the literary image of Genghis Khan in the works of the writers of China and Russia, in order to clarify the features and internal content of the image of Genghis Khan, which was created in different ways in different national literatures.

Keywords: image of Genghis Khan; Buryat literature; historical themes; literature comparison; national literature; China; Russia.